

Книги Владимира Корна
в серии
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АРТУА. ЗОЛОТО ВАЙХОВ
АРТУА. ЗВЕЗДА ГОРНА

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ВЛАДИМИР КОРН

АРТУА.
ЗВЕЗДА ГОРНА

РОМАН

Москва, 2012
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К67

Серия основана в 1992 году
Выпуск 751

Художник
В. Федоров

Корн В.

К67 Артуа. Звезда Горна: Фантастический роман.— М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 311 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-1087-3

В прошлой жизни его звали Артуром, и был он таким же, как и многие из нас. Немного циником, немного романтиком, к своим почти тридцати так и не разобравшимся со своими желаниями. Мечтал о жизни, полной неведомых приключений и чудесных открытий. Вот только все меньше их в мире, где все описано, все посчитано, где давно уже не осталось белых пятен на карте.

И его мечта сбылась. Уже три года он существует в мире, который отстает в своем развитии от нашего на несколько столетий. В мире, где все так похоже и все так отличается. Где в круговерти опасностей и испытаний не знаешь, наступит ли завтрашний день.

Но Артур выжил. И вот теперь он барон Артуа, в подвалах его замка золото, а в голове знания грядущих веков и множество планов, достойных реализации. Вот только впереди ждет его самое главное испытание — внезапная любовь. И чего же здесь страшно-го, сколько их было и сколько еще будет? Какая мелочь для мужчины, у которого шрамов внутри не меньше, чем на теле! Да, но не должна была ее императорское величество оказаться девушкой буд-то из мира его грез...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Владимир Корн, 2012
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

ISBN 978-5-9922-1087-3

ПРОЛОГ

Господи, как же красиво здесь звездное небо! Им можно любоваться часами: темно-синий небосвод и крупные яркие звезды, такие близкие, что, кажется, протяни руку — и вот они, целая пригоршня. Люди, рожденные тут, не могут оценить этой красоты — им не с чем сравнивать, они видят его с рождения. А мне еще долго придется к нему привыкать.

Я не знаю, как попал в этот мир. И видимо, никогда уже не узнаю. Да и не так это важно — теперь, спустя три года, что я здесь прожил. Встретив первых людей, точно таких же как на Земле, я мог бы решить, что очутился в своем мире, только века на три раньше. Но по звездам понял: это другой мир...

Мне долго пришлось привыкать к новой жизни, в которой я оказался простолудином, человеком без роду-племени. И наверное, смог бы привыкнуть, если бы не встретил свою первую любовь в этом мире — девушку благородного происхождения. Для того чтобы мы могли быть вместе, мне необходимо было стать дворянином. И я стал им, но когда вернулся из долгой, полной приключений поездки — оказалось, что слишком поздно, Милану уже выдали замуж.

Зато я стал обладателем собственного дома почти в центре столицы. А потом мне в руки случайно попала карта, на которой был указан путь к урочищу в Энейских горах, где находились богатые россыпи самород-

ного золота. Примерно в то же время герцог Вандерер от имени группы высокопоставленных лиц Империи в благодарность за удачно возвращенное компрометирующее письмо подарил мне небольшое поместье Стенборо, ставшее базой подготовки похода за золотом, маршрут которого проходил по землям беспощадных кочевников — вайхов.

Для этого опасного предприятия нужно было собрать подходящих людей. Мне повезло: первыми такими спутниками стали барон Анри Коллайн и простолудин Проухв Сейн — люди, на которых я мог положиться как на себя. Не хуже оказались и другие участники отряда, которых удалось найти в деревнях моего поместья.

А потом было путешествие в Энейские горы, в каньон, названный Золотым, первые потери в стычках с вайхами и урочище, где мы нашли столько золота, что с трудом смогли увезти его на наших лошадях.

Страшно вспоминать жестокий бой в Кайденском ущелье, где только чудо спасло нас всех — если можно назвать чудом самоотверженность воинов, спасших мирный город от нашествия вайхов, чьим именем в Империи пугали детей. Тогда у нас была возможность просто проехать мимо, но мы не смогли этого сделать, потому что нет в этой жизни хуже занятия, чем искать себе оправдание, когда поступил вопреки совести.

Сейчас все это уже позади. Мы вернулись. Вернулись почти все, и с золотом. И теперь у меня появились средства для воплощения в жизнь некоторых технологий, которые при естественном ходе событий появились бы здесь спустя века. В своем имении, Стенборо, я принялся собирать талантливых людей — ученых-практиков и изобретателей. Ведь я знал, по какому пути пойдет развитие цивилизации, и в этом состояло мое основное преимущество. Зеркала, перь-

евые ручки, многозарядное оружие — это лишь малая часть проектов, которые я намеревался воплотить...

Но сейчас главное — не это. А главное то, что завтра будет бал в императорском дворце, на который нас пригласили как героев сражения в Кайденском ущелье. Там соберется вся здешняя знать. Я усмехнулся, вспомнив, что, когда получал дворянство, мне пришлось придумывать свой герб. Этим гербом стала черная лошадка, вставшая на дыбы на золотистом фоне — как на эмблеме «феррари». Девиз, который я себе выбрал, тоже был родом из моего мира: «Лучше быть пожалованным, чем родиться»...

Глава 1

БАЛ

К началу бала я опоздал, и это уже становилось дурной традицией. Бал в императорском дворце был в самом разгаре. Хорошо, что хоть до представления императрице дело еще не дошло. Я вошел в огромный зал, кивком головы поприветствовал всех присутствующих и, обнаружив взглядом Коллайна, стоящего в окружении нескольких офицеров, направился к нему.

— Ну и где же ты пропадал? Совсем скоро все начнется. — Анри выглядел несколько бледновато, и было заметно, что он немного нервничает. Со мной ничего подобного не происходило: я заранее настроился, убеждая себя, что во всем предстоящем нет ничего особенного. И знаете, помогло. А что, собственно, нервничать? Угрозы для жизни нет, смешно даже...

Поговорив немного с бароном и остальными, ждущими представления коронованной особе, я отправился в обход зала, прихватив по дороге бокал с вином темно-рубинового цвета. А что, удобно: и руки заняты, и создается видимость, что ты не просто бродишь, но двигаешься куда-то целенаправленно.

Слава богу, здесь нет необходимости следовать только по периметру залов, что принято при посещении балов в присутствии правящих особ на Земле. Единственное ограничение — нельзя слишком приближаться

к императорской свите, если сам к ней не принадлежишь. Короче, держи дистанцию да спиной не поворачивайся, и все тут.

Императорский дворец — по крайней мере, в той его части, где проходил бал, — представлял собой несколько помещений, разделенных между собой весьма условно. Кое-где границей служили несколько колонн, где-то барьер из цветов, растущих в огромных вазонах, а зал, в котором преобладала почтенного возраста аристократия, возвышался над общим уровнем на пару ступеней. И акустика была решена очень интересно: танцевальный зал, где играл оркестр и кружились пары, находился в центре, но звуки музыки никому не мешали: стоило отойти на несколько шагов, как они становились едва слышными.

Роскошь убранства залов тоже впечатляла, но наибольшее впечатление на меня произвело обилие красивых девушек и женщин. Сверкание драгоценностей и белоснежные улыбки, вечерние платья и захватывающие дух женские фигуры — как же много их здесь собралось, и почти все красавицы! Стоит лишь немного присмотреться, как голова идет кругом. Да уж, Артуа, только ради этого стоило явиться сюда. Глядишь, и я смогу покорить сердце одной из красавиц обаянием, интеллектом и скупой красотой своего лица.

Скоро закончится официальная часть, и мы вплотную займемся этим вопросом. Здесь, конечно, не Франция времен рассвета куртуазности, но и не средневековая Испания с ее пуританской моралью.

Все, обход можно заканчивать — возможные цели для атаки наметим потом. Кстати, после представления императрице на нас обратят внимание, и познакомиться с каким-нибудь очаровательным созданием будет значительно проще.

Обведя еще раз взглядом зал, я решительно отправился к Коллайну и тут увидел Ее.

Она стояла ко мне вполоборота и с улыбкой разговаривала с одним из окружавших ее молодых людей. Стройная хрупкая фигурка, волосы редкого, пепельно-русого цвета, уложенные в затейливую прическу, в изящной ручке — небольшой веер. Совсем еще молодая, не больше восемнадцати. Вечернее платье с открытой спиной и декольте, кстати, довольно скромным. Чуть пухлые губы и милый носик. Внезапно она повернула голову, и мы встретились взглядами. Глаза ярко-изумрудного цвета, нежный овал лица...

Я поспешно поклонился, чувствуя, как мое сердце, мгновением раньше взлетевшее на небывалые высоты, со всего маху грохнулось о мраморный пол. На голове у нее была корона — маленькая такая, как у сказочных принцесс, и это означало только одно — передо мной не кто иной, как ее императорское величество Янианна I.

Не помню, как я дошел до Анри, на ходу вспомнив, что бокал с вином все еще у меня в руках. Отпил из него глоток и сморщился: не терплю мускатное вино с привкусом корицы.

Да уж, какая девушка! Неправ был человек, утверждавший, что нет в мире совершенства. Просто он ее не видел, и только это его извиняет. Я снова отпил глоток, снова сморщился и поспешно поставил бокал на столик, стоявший около одной из колонн. Господи, ну как же меня угораздило заявиться сюда и что мне теперь делать? Девушка, о которой я мечтал всю жизнь и которая только иногда приходила ко мне во сне, оказалась императрицей, да еще и моложе меня почти в два раза. Я стукнул кулаком в мраморную колонну, совсем не почувствовав боли. Все — больше никогда сюда не приду. Завтра у меня будет столько дел, что даже о себе вспомнить будет некогда, а потом мы от-

правимся в Энейские горы, и это займет месяца три как минимум. За это время я постараюсь забыть ее, я просто обязан сделать это.

Есть, конечно, и другой вариант — бывать в императорском дворце как можно чаще, постараться попасть в ее окружение, исподтишка любоваться ее красотой, смеяться ее шуткам, самому шутить, привлекая ее внимание и ловя ее мимолетные взгляды. А по ночам заниматься любовью со случайными подружками и представлять на их месте...

Нет, я не такой. Никто меня здесь больше не увидит — во всяком случае, ближайшие пару лет. А потом... Потом я, наверное, научусь смотреть на нее спокойно, без бешеного стука сердца.

— Артуа, да что с тобой? — спросил меня с беспокойством в голосе Коллайн.

— Я? Со мной? С чего ты взял?

А что еще делать, когда совершенно не знаешь, что говорить, кроме как отвечать вопросом на вопрос. Анри покачал головой, но больше не сказал ничего.

Я был представлен императрице третьим, после графа фер Стянуа и графа Анри Дьюбена, прибывших на бал еще позже меня. Оба графа были уже знакомы с Янианной и даже о чем-то с ней поговорили, после чего наступила моя очередь.

Вблизи Янианна оказалась еще прекрасней, хотя куда уж больше. На ее вопросы отвечал односложно — да, ваше императорское величество, нет, ваше императорское величество, я тоже так думаю, ваше императорское величество. Я с трудом воспринимал, о чем она говорила и спрашивала, единственное, что меня заботило — чтобы со стороны было не слишком заметно, как я любуюсь чертами ее лица. Эта челка почти до самых глаз, эта прядка волос возле прелестного ушка, это плавное движение рукой... Господи, все, что говорили о необычайной красоте императрицы, оказалось

правдой, вернее — полуправдой, поскольку такое невозможно описать словами, а можно только увидеть и почувствовать.

Когда она наконец меня отпустила, мне показалось, что в ее глазах промелькнуло легкое разочарование, но я был совершенно не в состоянии улавливать такие нюансы. Уходя, я услышал довольно ехидный девичий голосок, который произнес что-то типа — ну вот, еще один.

Я подошел к группе офицеров, соратников по Кайденскому ущелью, среди которых был и граф фер Стянуа, который дружески хлопнул меня по плечу:

— Не вы первый, не вы последний, Артуа. Красота нашей императрицы достойна того, чтобы в нее влюблялись все без исключения, кто хоть раз видел ее и хоть немного чувствует себя мужчиной. Выпейте вина — для нас, мужчин, это лучшее лекарство от всех недугов! — С этими словами граф вложил мне в руку наполненный бокал. — По моему глубокому убеждению, такое чувство, как любовь, тоже принадлежит к числу недугов, хотя и не телесных. Уж поверьте мне на слово, дорогой де Койн. Кстати, барон Коллайн рассказывал мне, что у вас имеется восхитительное средство против наших мужских проблем, не очень изысканное, но очень действенное...

«Это он про корешки, что ли? — успел подумать я. — Так это вроде не ко мне»...

Один из моих наемников, Шлон Брокон, перед нашей безумной атакой на лагерь вайхов уверял, что корешки обостряют ночное зрение. Но оказалось, что у них имеется мощный побочный эффект, сравнимый разве что с виагрой моего прежнего мира. Но факт остается фактом: они здорово нам помогли в ночной атаке. Правда, Шлон вроде бы говорил, что эти корешки у него закончились...

А граф между тем продолжал:

— Барон Коллайн сказал мне, как это средство называется... — Стянуа чуть сморщил лоб. — Ага, вспомнил: по-моему, бренди.

Так вот о чем вы, граф. Ну мы вам устроим дегустацию этого лекарства...

В этом мире не существовало крепких горячительных напитков, их еще не успели придумать. Сам я, отправляясь в поход за золотом, перегнал вино в спирт только для того, чтобы получить антисептик на предмет врачевания ранений. Но случилось так, что за время похода мой самодельный бренди приобрел нескольких горячих поклонников, среди которых оказался и барон Анри Коллайн...

Я сделал глоток вина. Ну что же за день сегодня такой? Опять мускат и корица. Подошли Дьюбен с Коллайном, завязался общий разговор, в котором мне тоже пришлось принимать участие. Наверное, я не очень в него вписывался, поскольку Коллайн стал недоуменно на меня поглядывать. Барон вообще выглядел воплощением счастья — как же, представлен самой императрице и даже ручку ей поцеловал. Я тоже удостоился такой чести, но мне этого мало, и потому уеду домой, где так много прихваченного из Стенборо лекарства от всех мужских проблем.

Выйдя через огромные двери, предупредительно открытые лакеями в расшитых золотом ливреях, я зашагал, углубленный в свои думы. Пройдя некоторое расстояние, опомнился и начал недоуменно оглядываться по сторонам. Это явно не та дорога, по которой я прибыл во дворец. Перед фасадом дворца — огромные цветники правильных геометрических форм, а здесь...

Первое впечатление, что я попал в чащобу первозданного леса. Но нет, под ногами выложенная каменными плитками дорожка, местами проглядывают сквозь зелень листвы столбы с зажженными фонаря-

ми, через весело журчащий ручеек перекинут мостик с ажурными перилами. И все же буйная растительность иногда смыкается над головой, образуя нерукотворные арки. Полянки, заросшие цветами, переходят в заросли кустарника, благоухающего неведомыми ароматами, небольшой водопад, от которого приятно веет свежестью, и снова почти джунгли... Я шел и любовался творением садовника, гений которого умудрился создать в центре столицы кусочек нетронутой природы. Фонари, разбросанные по известному лишь создателю этого сада плану, то освещали участки парка так, что хоть иголки собирай, то создавали таинственный полумрак, а то и вовсе делали темноту непроглядной. На одном из поворотов аллеи я и столкнулся с императрицей Янианной, которая шла под руку с каким-то белокурый красавчиком и весело с ним разговаривала.

Сзади, чуть в отдалении, за ними следовали еще несколько пар. Их голоса я услышал давно и заранее отступил в сторону, пропуская процессию. Когда императрица поравнялась со мной, я отвесил глубокий поклон, как того требует придворный этикет. Пара уже прошла мимо, когда Янианна приостановилась и обернулась ко мне, уже успевшему выпрямиться.

— Ведь вы... — Она забавно сморщила носик, очевидно припоминая мое имя. — Барон де Койн?

— Да, ваше императорское величество, — ответил я, снова склоняясь в поклоне.

— И что вы здесь делаете, да еще в одиночестве? — вновь спросила она своим звонким голоском, от которого у меня в душе все затрепетало.

— Любуюсь садом, ваше императорское величество.

Ее спутник наградил меня таким взглядом, за который, не будь здесь столько народу, мог бы оказаться в

кустах без пары передних зубов. На слово «идиот» обратишь меньше внимания, чем на такой взгляд.

— Как интересно, — произнесла она, пристально меня разглядывая.

Еще бы неинтересно — посмотреть на дурака, гуляющего почти в полной темноте и любующегося на кусты, вместо того чтобы веселиться на императорском балу, кружить головы красавицам и завязывать полезные знакомства. И тут она произнесла слова, которые я меньше всего ожидал от нее услышать:

— Барон, вы не проводите меня немного?

— Почту за честь, ваше императорское величество.

Янианна освободила свою руку и взглянула на меня. Я осторожно приблизился к девушке, все еще не веря в происходящее. Поддерживая ее локоть самыми кончиками пальцев, я осторожно шествовал рядом с ней, пытаясь сказать что-то очень умное, многозначительное или, по крайней мере, очень смешное. Но получалось у меня из рук вон плохо — вернее, вообще ничего не получалось. Янианна искоса взглянула на меня пару раз, как бы приглашая — ну же, блесните эрудицией, чувством юмора или еще чем-нибудь. Мысли лихорадочно крутились в голове, но я ничего не мог придумать. Все заготовки для подобных случаев я отмел сразу: не хочу, только не с ней. Лучше бы прямо сейчас из кустов выскочили несколько человек в темных масках, и я рубился бы с ними на шпагах, нанизывая одного противника за другим, пока сам бы не был сражен подлым ударом прямо у нее на глазах. Вот такая чушь лезла мне в голову, и от этого становилось еще хуже. Да и какая, к дьяволу, шпага? Присутствовать на императорском балу с оружием — это особая привилегия, которой у меня нет.

Наконец по прошествии нескольких секунд, пока-

завшихся мне вечностью, Янианна сама спросила меня:

— Скажите, барон, а как вы вообще сюда попали?

Интересный вопрос. Не думаю, что сад — это закрытая территория, иначе меня остановили бы еще на входе. Значит, ее интересует, не пришел ли я сюда с дамой, с которой потом расстался по какой-то причине.

— Случайно, ваше императорское величество. Вероятно, я перепутал двери.

— Перепутали двери? Куда же вы, барон, направлялись в таком случае?

— Я хотел сесть в карету и поехать домой, ваше императорское величество.

— Вам не понравился мой бал? И перестаньте меня так называть, не то вывихнете себе язык, и мне придется вас покинуть! — Девушка рассмеялась своей шутке, затем продолжила: — Зовите меня... леди Янианна.

— Хорошо, леди Янианна. Ваш бал и сам дворец великолепны, я никогда ничего подобного не видел. Просто у меня внезапно разболелась голова.

— Знаете, барон, наш род Крондейлов издревле славился тем, что мы всегда можем отличить правду от вымысла. И сейчас я ясно вижу, что вы меня обманываете. Так что же является истинной причиной вашего внезапного бегства?

Ты хочешь знать правду, солнышко? Пожалуйста.

— Вы, леди Янианна.

— Я показалась вам такой страшной, что, увидев меня, вы испугались и решили спастись бегством?

— Нет, все как раз наоборот.

Добившись того, чего хотела, девушка внезапно сменила тему:

— И чем же вам так понравился мой сад, барон, что вы позабыли про все на свете?

Наконец-то прозвучал вопрос, не касающийся меня лично, и я поделился своим восхищением от увиденного, предположив, что и при дневном свете очарование сада не пропадает, а наоборот, открываются неразличимые в полумраке нюансы.

— Это мама настояла. Отцу больше по душе были строгие геометрические линии, он вообще во всем любил порядок, — произнесла девушка задумчиво, с легкой грустью. — Барон, теперь, когда язык у вас развязался, расскажите мне о своем походе. Говорят, вы привезли из него целое состояние, и у вас было много приключений. Кстати, леди Элоиза мне о вас все уши прожужжала — барон де Койн такой герой, такой интересный рассказчик!

Элоиза — дочь герцога Вандерера. Однажды, возвращаясь в столицу, я стал свидетелем нападения бандитов на карету, в которой ехала девушка. Мне удалось ее спасти. А чуть позже случилось так, что сам герцог захотел отблагодарить меня за одно его письмо... Хотя об этом я уже рассказывал — в результате в мою собственность перешло имение Стенборо. После всех этих событий я стал бывать в доме герцога запросто, и меня всегда были рады там видеть. Особенно это относилось к Элоизе. Но сердцу не прикажешь...

А Янианна продолжала:

— Сегодня, когда вы вошли, граф Гренингер сказал — посмотрите на этого человека в необычном платье. У него такая походка, будто он хозяин этого дворца, а мы все у него в гостях. Тогда леди Элоиза даже запрыгала от восторга: это он, тот самый барон Артуа де Койн, я вам про него рассказывала, — передразнила Янианна бедную девочку. — Действительно, откуда у вас такая походка?

Я пожал плечами: что тут скажешь? Помню, еще в школе одноклассники шутили — опаздываешь на урок, аходишь в класс как директор школы... Может

быть, это от комплекса неполноценности, которым я тогда страдал из-за своей худобы. А потом однажды решил, что лучше уж мания величия, чем этот самый комплекс.

— Барон, а ведь я вас видела раньше! Это было, — Янианна посчитала что-то на пальчиках, — примерно два года назад. Мы тогда поехали в загородный дворец, что в Сустойлер. Вставать пришлось рано, все не выспались, а тут еще что-то случилось с мостом, и мы целый час простояли, дожидаясь, пока его починят. Все развлекались тем, что смотрели в окно кареты, и кто-то — по-моему, герцог Ирленский — сказал: обратите внимание на того человека в смешном нелепом платье, у него такая походка, будто он хозяин всего на свете. Да, я хорошо помню, там еще была старушка возле дерева, и вы ей что-то дали. Она долго благодарила и кланялась вам вслед.

Я хорошо помнил это утро и эту старушку, а вот никаких карет там не видел, хоть убей.

— Вовсе мое платье не было смешным или нелепым, я отдал за него целый золотой, а у меня оставалось их всего три, — возмутился я.

— Так это все-таки были вы! У меня хорошая память, недаром ваша походка мне что-то напомнила. Мне всегда интересно было, что же вы тогда ей дали. Помню, мы тогда даже поспорили и хотели послать слугу, но нищенка уже ушла.

— Я дал ей золотую имперскую крону, леди Янианна.

— Позвольте, барон, вы сказали, что у вас оставалось всего три золотые монеты. Одну вы отдали за платье — получается, нищенке отдали половину того, что у вас оставалось?

— Не совсем так, леди Янианна, у меня еще оставалось серебро. И потом, эта бедная женщина не выглядела профессиональной нищенкой — скорее нужда ее

заставила просить милостыню. И просила не для себя, у нее тяжело болел внук, деньги нужны были для лечения.

— А если она вас обманула?

— А если она сказала правду? Золотая имперская крона — деньги немалые даже для столицы, и надеюсь, что этих денег ей хватило, чтобы спасти внуку жизнь. Для меня же они погоды не делали — все равно рано или поздно закончились бы. Но я, в отличие от нее, молод и здоров...

Через темно-синее звездное небо пронеслась огненная полоса — очередной метеорит сгорел в атмосфере. Здесь вообще их значительно больше, и падают они круглый год.

— Красиво, — произнесли мы в голос, и даже несколько смутились оттого, что так получилось.

Потом мы гуляли по саду, и я рассказывал о нашем походе. Девушка переживала, когда речь шла о схватках, весело смеялась, когда я рассказывал о наивности Проухва и других забавных моментах. А я старался не смотреть на нее, потому что у меня каждый раз перехватывало дыхание и терялась мысль.

Наверное, дворцовая жизнь не так богата событиями, поскольку такого внимательного слушателя у меня не было уже давно. Несколько раз нам на глаза попадался тот блондинистый тип, вероятно пытавшийся привлечь внимание императрицы. Но Янианна не замечала его или просто не обращала внимания.

Когда речь дошла до золота, которое мы обнаружили в каньоне, я вынул из кармана небольшой самородок — граммов на тридцать, не больше. Но природа, видимо, решила немного пошутить, выполнив его в виде сердечка. Не настоящего, конечно, с обрубками артерий, а как его изображают на валентинках. Я специально захватил его, чтобы подарить при случае ка-

кой-нибудь девушке, с которой мечтал познакомиться на балу. Но чтобы самой императрице...

— Как интересно, — сказала она, вертя самородок при свете фонаря, светившего нежно-голубым цветом. — Вы его действительно таким нашли?

Я поклялся всем, что мне свято, и попросил оставить его себе, если он хоть чуть-чуть ее заинтересовал. Сердечко было благосклонно принято, но я не стал делать никаких параллелей между ним и своим собственным — в моем положении это выглядело бы глупо.

— Скажите, барон, а что это у вас был за случай с кочергой вместо шпаги? — спросила Янианна как бы между прочим, улучив момент, когда я набрал полную грудь воздуха, чтобы повествовать дальше.

«Все, я пропал», — пронеслось в голове. Легко бравировать, когда до ответа далеко, а вот сейчас...

Однажды я, вызвав графа Макрудера на дуэль — этот мерзавец был мне знаком еще по Кайденскому ущелью, — ляпнул, что побью его кочергой. И действительно побил, причем при свидетелях, заимев тем самым смертельного врага. Я всерьез подозревал, что ночное нападение на мое поместье, случившееся вскоре после моего возвращения из похода за золотом, — дело его рук... Мало того что я побил его кочергой, так еще и сломал его шпагу, что в Империи дозволено только императору, ведь так лишают дворянства... По всем статьям я получаюсь преступником...

Императрица вновь весело рассмеялась, увидев выражение моего лица.

— Не переживайте, де Койн, за вас уже просили люди, да я и сама не очень сердилась по этому поводу... — И чисто по-женски перескочила на другую тему: — Какой наряд у вас интересный, необычный! Есть в нем что-то этакое... Не сомневаюсь, что вскоре у вас найдутся подражатели. При дворе любят что-нибудь новенькое.

Мой камзол больше всего походил на сюртук русского морского офицера начала прошлого века и стоил мне немало нервов и золота. Портной сначала пришел в тихий ужас, когда я объяснил, чего хочу. Потом смирился, но мне пришлось заглядывать в мастерскую чуть ли не каждый день, чтобы он все не переиначил. Портной намеревался покрыть серебряным шитьем всю площадь, свободную от золотого, мы даже яростно поспорили по этому поводу. Слава богу, есть такое волшебное слово — компромисс. Когда я надел его готовым, портной вначале даже открыл рот, чтобы произнести что-то ехидное, потом присмотрелся и задумчиво произнес:

— А что, очень даже ничего. Вот только бы еще шитья чуть добавить... — Но, заметив выражение моего лица, торопливо добавил: — Впрочем, и так хорошо.

— Мне очень приятно, леди Янианна, что вы обратили внимание на мой сюртук.

— Он вам к лицу, барон. А как вы находите мое платье? — И она легко крутнулась на месте, взметнув подол колоколом, но, к сожалению, ничего, кроме носков изящных туфелек, не показав.

— Леди Янианна, вы из тех женщин, на которых любое, даже самое простое, платье кажется произведением искусства. Хотя один мой знакомый, человек знающий, утверждает, что любое женское платье лучше всего смотрится на спинке стула, — ляпнул я и до боли прикусил язык: тоже мне звезда политеса!

Но девушка оценила шутку, весело рассмеявшись.

— А вы смелый человек, де Койн. Скажите, ведь смелый?

— Ну что вы, ваше императорское величество. Зря вы так думаете. Я и сейчас очень боюсь.

— Вы боитесь? Здесь, в моем саду? — искренне удивилась она.

— Да, леди Янианна.

— И чего же здесь можно бояться?

— Боюсь, что сплю и мне снится, что я вот так, за-просто, разговариваю с самой красивой девушкой на свете, к тому же еще и императрицей.

— Ну в том, что это не сон, вы сейчас легко убедитесь. — Девушка ловко ущипнула меня за запястье.

Я невозмутимо достал платок и начал тщательно перевязывать руку.

— Что это вы делаете? — удивилась она.

— Ну как же, меня ущипнула сама императрица Янианна Первая. Я теперь буду беречь это место, чтобы потом показывать его сначала детям, а потом и внукам. Но мне, конечно, никто не поверит, — с тяжелым вздохом закончил я.

— Не утруждайте себя, барон, — вновь рассмеялась девушка. — Поверьте, мне это совсем ничего не стоит, и я всегда смогу обновить объект вашей гордости.

Я уж было совсем открыл рот — мол, что не стоит этого делать, иначе сердце мое может не выдержать и разорвется от счастья. Но сказать не успел, потому что из зарослей кустарника выскочило огромное черное чудовище и гигантскими прыжками бросилось к нам.

Вернее, бросилось к девушке, которая стояла к нему боком и потому никак не среагировала.

Господи, ну почему именно сейчас у меня нет при себе никакого оружия? Да и не помогло бы оно, просто не успел бы извлечь...

Схватив девушку в охапку, я крепко прижал ее к себе, поворачиваясь к монстру спиной и ожидая страшного удара сзади.

Но удара не случилось. Вместо этого я почувствовал на своей руке что-то теплое, мягкое и влажное. Осторожно скосив глаза, я увидел практически на уровне своего лица огромную собачью морду с высу-нутым языком и обрывком цепи на могучей шее.

Чудовищных размеров, вся покрытая черной лох-

матой шерстью, собака сидела на толстой заднице и бешено виляла хвостом.

Я осторожно поставил девушку на ноги, чувствуя, что катастрофически краснею, прямо весь горю от стыда. Артуа, да ты настоящий герой — принять за чудовище обыкновенную собаку, да еще так сжать девушку, что у нее, вероятно, все косточки хрустнули.

— Извините, ваше императорское величество, я...

— Это же Бобс, барон, самое доброе и милое существо в мире, — сказала девушка, оправляя платье. — Бобс, — позвала она его.

Пес завилял хвостом еще быстрее, жарко дыша огромной пастью.

— А ведь вы не за себя испугались, барон. Так ведь?

Я, продолжая полыхать, кивнул. Из тех же кустов вынырнул слуга с поводком в руках, забрал Бобса и опять скрылся как привидение.

— И что же вы собирались делать с чудовищем? — Слава богу, издевки в ее тоне я не услышал, лишь любопытство.

— Я бы постарался его задержать, леди Янианна, чтобы вы смогли убежать. В саду много людей, они непременно бы помогли, — посвятил я ее в свои планы.

— А зачем вы носите кирасу под одеждой?

От удивления у меня отвисла челюсть.

— Какая кираса? У меня нет никакой кирасы.

Не доверяя моим словам, Янианна ткнула мне пальцем в грудную мышцу, которую я инстинктивно напряг.

— И верно, нет. Когда вы меня спасали от монстра, то так прижали к себе, что мне показалось, что у вас железо под одеждой. — Ее напоминание о моем позоре заставило меня снова залиться краской.

Видя мою реакцию, девушка продолжила:

— Да не переживайте вы так. По крайней мере, вы первый мужчина, который повел себя таким образом,

в отличие от... — Она замолчала, видимо почувствовав, что сказала лишнее.

Я с подозрением посмотрел на нее. Теперь понятна причина ее поведения: пса она должна была видеть — хотя бы краем глаза. Это похоже на испытание. Гуляет она с кавалером, тот рассказывает, какой он мужественный... Не все из нас герои, я и сам не из таких. Жестоко, конечно, но не мне ее судить.

Догадавшись, что я все понял, она продолжила:

— Сегодня это произошло совершенно случайно, поверьте. Но в любом случае, барон, вы вели себя очень достойно. — Это звучало как утешение.

Я улыбнулся, представив возможную картину.

— Чему вы там смеетесь? — с подозрением спросила императрица.

— Мне подумалось, что вполне возможно, кто-то не смог удержать звуки, недопустимые в присутствии дамы.

Янианна весело рассмеялась, подтверждая мои догадки.

— Представляете, мой кавалер убеждал меня в вечной любви, клялся, что готов ради меня на любые подвиги, обещал с небес звезду достать и бросить к моим ногам, а сам... И не судите меня слишком строго, это было так давно, мои мама и папа были еще живы. То, что позволено принцессе, императрице не подобает. Сегодня действительно это произошло случайно. Кстати, а вот вы, барон, почему мне звезд с небес не обещаете?

— При всем моем желании, леди Янианна, я просто не в состоянии этого сделать.

— Это почему еще?

И что тут прикажете делать? Объяснить устройство Вселенной? А с другой стороны — почему бы и нет? По крайней мере, о Бобсе забуду и о своем позоре. И я начал рассказывать, постепенно увлекаясь, время от

времени поглядывая на Янианну, чтобы видеть ее реакцию. Девушка слушала заинтересованно, тема ее увлекла. Присев на удобную скамейку, больше похожую на диван с кожаной обивкой, она предложила расположиться рядом. Я, сама скромность, примостился на самом краешке.

— Не все небесные тела являются звездами, леди Янианна, и это легко определить. Звезды мерцают, а планеты светят ровно, вы только приглядитесь внимательно...

И меня понесло. Планета с ее атмосферой, ледяной безвоздушный Космос, миллиарды и миллиарды лиг между светилами, движение по орбитам, метеориты, сгорающие по пути к земле...

Янианна слушала очень внимательно, даже завороченно, а я продолжал:

— Представляете, некоторые из тех звезд, что мы видим перед собой, — я указал рукой на небосвод, — погасли миллионы лет назад. Но их свет, а самое быстрое, что мы можем представить, — это скорость света, продолжает нам светить. И будет светить нашим внукам и правнукам, и их внукам и правнукам, и еще очень, очень долго.

Я снова взглянул на девушку.

— Но не все так грустно, леди Янианна. Вполне возможно, что на одной из планет, что мы видим перед собой, тоже существует жизнь. Может быть, они совсем не похожи на нас, у них зеленая кожа, огромные уши и нет носа или вместо носа щупальце — это неважно. Важно то, что они тоже любят, страдают, хотят чего-нибудь добиться. Только представьте себе, что именно сейчас вон на той или на той планете сидят на скамеечке влюбленные... — Тут я чуть было не ляпнул «как мы», но вовремя спохватился: — И тоже смотрят на звездное небо, гадая, одиноки ли они во Вселенной.

Янианна еще некоторое время смотрела на звездное небо, затем легко поднялась.

— Пойдемте, барон, здесь недалеко.

Буквально за следующим поворотом аллеи девушка раздвинула руками ветки цветущей сирени и шагнула в сторону. Там оказалась выложенная каменными плитками дорожка, ведущая к ловко скрытой в зарослях беседке. Она была немалых размеров, посередине стоял стол, на котором расположились с полдюжины бутылок вина, вазы с фруктами, какими-то лакомствами и бокалы ажурного стекла. По периметру стояло несколько кресел, присутствовала даже оттоманка, и не одна.

— Это моя беседка, сюда без приглашения никто не придет.

Значит, такая беседка в саду не одна. Ну что ж, практично в некоторых смыслах.

Императрица присела на кресло, стоящее во главе стола, жестом пригласила присоединиться к ней и попросила налить ей вина. Я налил ей и с удовольствием выпил сам — в горле пересохло. От волнения, что ли?

— Скажите, Артуа, теперь, когда вы обладаете целым состоянием, каковы ваши дальнейшие планы? Если это, конечно, не страшный секрет...

Ну не такое уж большое состояние — смотря с кем сравнивать. А вот то, что она назвала меня по имени, радует бесконечно.

— Ну что вы, леди Янианна, какие могут быть у меня секреты от вас? Я серьезно намерен заняться производством, и для этого теперь у меня есть все необходимое — средства, знания и идеи. Сейчас мне нужно лишь немного времени, чтобы развернуться как следует.

— А что вы скажете о леди Элоизе?

— Интересная девушка, красивая, веселая, с хорошим характером.

— Вы замечали, что она от вас без ума?

Это трудно не заметить, и я кивнул в ответ.

— Так почему бы вам не взять ее замуж?

Милая девочка, рано еще в твоём возрасте свайхой-то быть. Вслух же сказал первое, что пришло на ум:

— Я много старше ее.

— Ну и что? Моя мама была младше папы на двадцать лет, и они любили друг друга до самой смерти.

Папа успел славно погулять до женитьбы: насколько я помню, это был первый его брак.

— Леди Янианна, Элоиза замечательная девушка, но... Наверное, просто она не моя половинка.

— Половинка? Какая половинка?

Вот же допрос с пристрастием! Но отвечать надо.

— Вы знаете, на моей родине есть такая легенда. Когда-то, очень давно, Создатель разделил людей на две половинки. С тех пор ходят они по свету и ищут свою вторую половинку. Некоторым это удается быстро, у других поиски затягиваются на всю жизнь.

— Никогда не слышала о такой легенде. А как определить, что именно этот человек является твоей половинкой?

— Не нужно никак определять, леди Янианна, сердце само подскажет. Возьмет этот человек вас за руку или даже случайно прикоснется, и сердце сразу подскажет — вот он.

— Неужели это так легко?

— Если бы. Случается, что и сердце ошибается. Проживут такие люди вместе двадцать лет, а однажды проснутся и поймут, что они абсолютно чужие друг другу люди. А ведь жизнь уже прожита, можно сказать.

Мы немного помолчали. Возможно, девушка думала о прикосновениях и что она при этом испытывала, а может, о чем-то другом.

На далекой городской ратуше часы пробили полночь.

«Сейчас карета превратится в тыкву», — уныло подумал я.

— О чем вы? Какая карета, какая тыква? — недоуменно спросила лучшая из девушек этой Вселенной.

Видимо, я все же подумал вслух.

— Есть такая сказка, леди Янианна...

Золушку я назвал Синдереллой — так звучало лучше, чем Копающаяся в золе. И рассказал сказку о бедной Золушке, ее злой мачехе, стервах сводных сестрах, слизняка отце, королевском бале и потерянной хрустальной туфельке. Янианна слушала внимательно, положив подбородок на сжатые в кулачки руки.

— А что было потом? — спросила девушка, когда я закончил.

— Потом они жили долго и счастливо и умерли в один день.

— И умерли в один день, — эхом повторила она.

Вот же черт, опять я напомнил ей о гибели родителей, а она их очень любила.

— Кстати насчет бала, барон. Почему вы не танцуете? Не любите танцы?

Я постарался объяснить, что мне нравятся не сами танцы, а возможность потанцевать с приглянувшейся девушкой.

Янианна посмотрела на меня, о чем-то подумала, затем сказала:

— Ну поскольку, барон, вы спасли меня от ужасного чудовища, в благодарность за это я подарю вам один танец. Как я вижу, сами вы его попросить не отважитесь.

Господи, да я даже дышать в твою сторону боюсь, — настолько ты прекрасна.

Сейчас передо мной находилась девушка изумите-

льной красоты, таких в природе вообще не должно существовать — иначе как же тогда смотреть на остальных женщин...

Вероятно, Янианна иногда ловила такие мои взгляды, хотя я тщательно пытался их скрыть, и это очень забавляло ее.

Некоторые ее вопросы заставляли меня врасплох, поскольку я даже не слышал их, совершенно незаметно для себя вновь и вновь любуясь самым совершенным в мире созданием. Невозможно объяснить словами, как был прекрасен каждый ее жест, даже когда она легким движением руки поправляла непослушную прядку волос или просто переставляла бокал.

Ситуация явно забавляла Янианну, и, когда я, смущаясь, просил повторить вопрос, она весело смеялась. Все это, несомненно, было для нее привычным — не могу представить себе мужчину, которого она могла бы оставить равнодушным.

И тогда у меня возникла идея, настолько безумная, что даже дух перехватило.

— Ваше величество, леди Янианна. Может, в таком случае, это будет новый танец?

— Новый танец? И что же он собой такое представляет?

— Танец называется вальсом, и он словно создан для вас, клянусь всем, что мне свято. Он очень красивый, и я просто уверен, что, после того как вы его покажете, весь двор только и будет его танцевать.

Кажется, я порядком заинтриговал красавицу-императрицу.

— И что же он из себя представляет? Очень надеюсь, что этот танец не нанесет урона моей чести.

— Нет, что вы. Разве мне могло бы прийти в голову нечто подобное? На моей далекой родине он очень популярен в высоких кругах. Собственно, для этого он и создавался.

Я напел мотив знаменитого вальса Штрауса-сына «На прекрасном голубом Дунае». Императрица все еще колебалась, но я сумел ее убедить. И вот здесь встала маленькая проблема.

— Леди Янианна, удобно ли мне будет положить свою руку вам на талию?

— Это еще зачем? — слегка нахмурила брови девушка.

— Ну мы должны встать в соответствующую позицию.

После секундного колебания Янианна согласилась.

— Хорошо, Артуа, тем более что сегодня вы уже сделали это и без моего согласия, — сказала она, немало смутив меня.

Янианна встала и посмотрела на меня в ожидании. Ростом императрица едва достигала моего подбородка, но при этом у меня все время складывалось впечатление, что мне приходится поднимать голову, чтобы посмотреть на нее. Я подошел к ней вплотную, не решаясь прикоснуться. Янианна смотрела на меня смеющимися глазами — дескать, смелее, барон, клянусь Богом, я живая, а не то, что вы себе придумали...

— Это совсем несложно. Вот смотрите, мы делаем вот так. И раз-два-три, раз-два-три... У вас прекрасно получается, леди Янианна.

Мы покружили немного вокруг стола, благо размеры беседки позволяли это сделать. У нее действительно получалось отлично. Еще бы — с будущей императрицей с детства занимались лучшие педагоги, в том числе и танцами, входившими в курс обучения благородных девиц.

Танец девушке определенно понравился, и все же некоторое время она раздумывала: не каждый день в ее жизни появлялся невесть кто, предлагающий невесть что. Но мне удалось убедить ее, и она решилась.

Теперь оставалось сделать то, без чего наш танец не мог бы состояться, — музыку, а для этого необходимо было обратиться к музыкантам.

Глава 2

СКАЗКИ ВЕНСКОГО ЛЕСА

К счастью, музыканты находились в своей комнате для отдыха. Я вошел в нее и огляделся по сторонам. Взгляды, которыми меня они встретили, по большей части были настороженными — как же, ввалился один из благородных, и неизвестно, что ему нужно. Что ж, может быть, это поможет нам быстрее найти общий язык? Я положил на огромный барабан несколько золотых монет. Вот теперь в их глазах читался некий интерес, разбавленный известной долей скептицизма.

Понять их можно: является некий тип в необычного покроя одежде, явно в возбужденном состоянии — сейчас начнет что-то требовать, поскольку просить такие посетители попросту не умеют. Но и они не кто-нибудь, а императорский оркестр...

Я вновь обвел взглядом музыкантов. Явно, что этот пожилой, с всклокоченной шевелюрой человек является у них капельмейстером, к нему и следует обращаться.

— Господа музыканты! — Обращение как будто бы ко всем, но смотрел я на капельмейстера. — Я хочу обратиться с просьбой, которая, вполне возможно, покажется вам необычной. Ее величество императрица подарила мне один танец.

Капельмейстер спрятал улыбку в пышные усы: вы не по адресу, если решили похвастать. Я продолжил:

— Но это необычный танец. Вернее, танец обычный, но незнакомый в этих местах, так же как и музыка, его сопровождающая.

Некоторое шевеление, легкий интерес. В императорском оркестре играют лучшие музыканты, и их трудно удивить чем-либо новым, ведь чтобы и дальше считаться лучшими, им необходимо постоянно обновлять репертуар.

Наконец я нашел глазами то, что искал. Взяв в руки скрипку, погладил по деке кончиками пальцев, как добрую старую знакомую, которую очень давно не видел. А ведь было время, когда я ее ненавидел до нервной дрожи.

— Господа музыканты, сейчас я попробую объяснить то, чего хочу от вас. Прошу заранее извинить за недостатки исполнения — маловато практики. Пару минут, буквально.

Музыканты продолжали следить за моими манипуляциями, все еще не придя к общему мнению, кто перед ними — эксцентричный тип, человек, немного не поладивший с собственной головой, или действительно предстоит услышать нечто новое и незнакомое.

Наконец мне удалось исполнить мелодию, хоть и не с первого раза.

— Вот такая музыка. Очень хочется, чтобы вы мне помогли. Если дело только в этом, — я показал смычком на монеты, все еще лежащие на барабане, — то за деньгами дело не станет. Помогите мне, и я ваш вечный должник.

Я с тревогой оглядел их уже в который раз: ведь если они не смогут или не захотят — все пропало, мне никогда не оправдаться перед Янианной. Черт с ним, что она императрица, но оказаться в глазах такой девушки болтуном, который не отвечает за свои слова...

— Если вас не затруднит, пожалуйста, исполните эту музыку еще раз, — попросил капельмейстер.

Я выполнил его просьбу, и на этот раз у меня получилось вполне прилично. Сейчас они слушали очень внимательно, и все по-разному. Кто-то перебирал не-

видимые струны, кто-то слушал, откинувшись и прикрыв глаза, а кто и вовсе напевал мелодию под нос.

Наконец я закончил и вновь с тревогой поглядел на них, в который раз проклиная себя за горячность. Кто тянул меня за язык? Станцевал бы, в конце концов, один из тех танцев, которые приняты на балах, — они неплохо у меня получались. Что там сложного? Не нижний брейк, да и учительница у меня была прекрасная.

— Эрариа, — обратился капельмейстер к худому длинноволосому юноше, безусому, но с пучком бесцветных волос на месте бороды, который и оказался хозяином скрипки, все еще находившейся в моих руках. Юноша согласно кивнул, взял у меня скрипку и заиграл.

Когда он закончил, я пораженно посмотрел на дирижера. Тот пожал плечами, всем своим видом показывая: чай, не на деревенских свадьбах играем. Эрариа сыграл блестяще, и я не услышал в его исполнении ни одной ноты фальши.

— Что касается вашей просьбы, господин...

— Де Койн.

— ...господин де Койн. Я думаю, мы справимся. Прекрасная музыка, хотя ничего подобного я не слышал. Мы никогда не играли такого, будет сложно, но и исполнители у меня собрались далеко не самые худшие, уверяю вас. Тем более что это касается ее величества императрицы. Не беспокойтесь, мы справимся.

— Может быть... — Не договорив, я вновь показал на золото.

— Этого хватит. Вообще, если быть справедливым, я сам должен вам денег за эту музыку. Но понимаете, я не один.

Когда я уже уходил, услышал:

— Как называется этот танец?

— Вальс. Он называется вальсом.